

Ильченко Николай Иванович – поэт, член Союза писателей России, Союза писателей Республики Крым, автор нескольких поэтических книг. Родился на ст. Россошь Воронежской обл. Награжден премией им. Л.Н. Толстого (Севастополь), Победитель международного конкурса им. Г.А. Потемкина, лауреат региональных конкурсов и фестивалей. Живет в Севастополе.

МАМИН ВАЛЬС

Давно это было. В сознание людском
Всё стёрли года-палачи.
Была танцплощадка в саду городском,
Светящийся остров в ночи.

Я маленький, мне далеко до невест,
И вечер почти неземной,
«Амурские волны» играет оркестр,
И мама танцует со мной.

И сколько потом ни испытывал Бог,
Куда меня чёрт ни манил –
Я сказочный вечер забыть тот не мог,
А музыку в сердце хранил.

Бывало, что всё до того надоест,
Но вдруг, из далёких аллей
«Амурские волны» сыграет оркестр,
И станет на сердце теплей.

Теперь на площадках, под звук громовой,
Кружение новых Джульетт.
Давно не играет оркестр духовой,
И мамы давно уже нет.

Но часто, когда всё умолкнет окрест,
А ночь над землей ворожит –
«Амурские волны» играет оркестр,
И мама кружит и кружит.

СЕДЫЕ МАЛЬЧИКИ ВОЙНЫ

Георгию Задорожникову

Скатилось солнце, словно мячик,
В тугую тёплую волну.
Стоит у моря старый мальчик,
Который видел ту войну;

Кому игрушкой были пули,
А жизнь в осаде, как вина.
Плетётся тенью на Примбуле¹
За севастопольцем война.

А в снах всё продолжают падать
Бойцы в морские буруны.
Вы – наша правда, наша память,
Седые мальчики войны.

В волнах ныряет лунный зайчик,
И время – никого не ждёт.
Идёт вдоль моря старый мальчик,
Из той войны ещё идёт.

И пусть порой в груди одышка,
Глаза глядят сквозь пелену,
Он – севастопольский мальчишка,
Который помнит ту войну.

Стоят в почётном карауле
Все обелиски всей страны,
Пока гуляют на Примбуле
Седые мальчики войны.

* * *

Колдует осень, как кухарка,
Мешая зелень и багрец.
В глуши заброшенного парка
Стоит заброшенный дворец.

О прошлом память охраняя
И украшая вид аллей,
Листву последнюю роняя,
Стоят шеренги тополей.

Здесь люди жили, не тужили,
И счастьем не было конца,
И многим головы кружили
Витые лестницы дворца.

Теперь под стены мусор свален,
А вход репейником зарос,
И я хожу среди развалин,
Вздыхая, словно паровоз.

Себе представить, сожалея,
Могу то время без труда...
Уводит в прошлое аллея,
Ведёт дорожка в никуда.

* * *

В новом городе крылатом,
Там, где чистая вода,
Оседлали мирный атом
И пустили в провода.

Ток неся домам и хатам,
Людам нужный позарез,
Этот самый смирный атом,
Вдруг из кожи вон полез.

Видно, люди дали маху,
Ощувив свободы клочок:
На себе рванул рубаху
Ядерный энергоблок.

Шли с лопатой, с автоматом,
Долгу совести верны,
Кроя матом мирный атом,
Ликвидаторы страны.

Ужас пряча за рюмашкой,
Штурмовали, как рейхстаг
И смирительной рубашкой
Одевали саркофаг.

Слой заразной мёртвой пыли
Отнял город, речку, лес...
Годовщина чёрной были
На Чернобыльской АЭС.

* * *

Сейчас я городской – не деревенский:
Моей судьбе это смешно самой.
Бреду в ночи,

а мирно спящий Невский
Меня пугает новою зимой.

Навстречу ветер, вьюги выкрутасы,
Ничьих не видно на снегу следов,
И не дома вокруг – иконостасы:
Иконы-окна в несколько рядов.

За окнами живут тихонько люди,
Им всё равно, куда я тут бреду:
Здесь, на пустом проспекте, как на блюде,
Стою забытым грешником в аду.

А вьюга всё шалее и шалее,
Но люди от ненастья в стороне,
И грешника никто не пожалеет –
Они в своих квартирах, как в броне.

Пожалуй, жалость – это неизбежность,
И без неё нельзя, как ни кружись,
Но мне нужна не жалость, лучше нежность,
Мне не хватает нежности всю жизнь.

Ликуют и страдают человечки,
Чтоб в поминальных числиться листах.
Кресты столбов, как в жертвеннике свечки:
Иду, крестясь, с молитвой на устах.

Так холодно, так пасмурно, так сыро,
От влаги воздух липкий, словно клей.
Точится в мир на тёмных стёклах миро,
И нимбы над шеренгой фонарей.

А холод заползает мне под свитер –
Пытается обнять меня всего.
И тут я понял, как люблю я Питер
За эту нежность грубую его.

¹ Приморский бульвар (на местном наречии)

* * *

В чужом палисаднике кошка играет с мячом,
В нём розы цветут,
в доме девушка книгу читает.
В моём палисаднике – песни поют ни о чём,
Цветы не цветут,
и над мёртвым вдова причитает.

У них за окном озорные плывут облака,
И птицы поют, и смеются счастливые дети.
У нас даже куры валяют порой дурака –
Зерно не клюют,
да и солнце неласково светит.

У них в палисаднике прячется розовый свет.
Там старости нет,
в доме мама пирог начиняет.
У нас – затерялся в кармане
счастливого билета,
Да старый поэт для чего-то стихи сочиняет.

Елена ПРОСКУРЯКОВА

Проскурякова Елена – поэт, член Севастопольского ЛИТО им. А. Озерова. Редактор альманаха «Круг чтения», журнала «Таврия литературная», руководитель общественного образовательного проекта «Академия изящного слова», организатор Севастопольского кинофестиваля «Есть только Миг», посвященного памяти журналиста Сергея Илларионова. Лауреат литературного фестиваля «Пристань менестрелей». Живёт в Севастополе.

Мы ищем истины глубокой,
Она ж подчас бывает в том,
Что дети спят под нашим боком,
Как под божественным крылом.

* * *

Анне Ахматовой

Ей в мутном сумраке ночей,
В промозглой питерской печали
Легко, под трепетную шалью,
Припомнить всё до мелочей.

И этот гул тяжёлых волн,
Дерущих гальку частым гребнем,
И виноград среди колонн,
И дальний колокол к обедне,
И час, когда на Херсонес
Туман подсолненный ложится,
Земля касается небес,
И кажется: всё может сбыться.

О! что там сбудется тайком
Через года? Что нам за дело?
Но Летний сад под каблучком
Вздохнёт, и скрипнет неумело
Калитки царственный узор,
Приоткрывая радость встречи...
Но шаль уже вползла на плечи,
И ясно слышен приговор.

Где святость грёз, и где – порок,
И что послужит искупленьем
За вождельные нежных строк
И краткое освобожденье?
У Господа свои права
На все намеченные встречи,
И в лёгком росчерке предплечий
Он видит линии крыла...

ПРОВОДЫ

В комод, временем согретом,
Не то бардак, не то музей.
«...Я проводила это лето
Среди знакомых и друзей...»

Обрывки детских сочинений,
Отрывки уцелевших книг.
В них с печником смеялся Ленин,
И Филиппок к окну приник.

В них Ванька Жуков, Валя Котик
И слова пушкинского вязь –
То тёплое нутро эпохи,
Что нынче тлеет, затаясь,

Но старую гнилую лодку
Ещё удержит на плаву...
Я перечитываю стопку.
Я оторваться не могу.

У осени седая чёлка
С утра прихвачена росой.
Другая хрупкая девчонка
В тетради пишет по косой.

И падают куски рассвета
На пальцы с крапами чернил...
Давно я проводила лето,
Меня никто не проводил.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

А эти травы – всё ковыли,
И в осень терпкий глоток полыни.
Напой мне, мама, на этой стыни,
где родились мы, в какой дали?
Куда льют реки, бегут дожди,
летят на взрыде стальные песни?
Должны быть где-то и нам пути
туда, где – вместе?

С лозы напиток – лозу согнуть.
Что ей мешаёт освободиться?
Напомни, мама, когда нам в путь:
хочу умыться.

Не надо строем, не надо всем –
домой не входят толпой и стаей,
но мы вернёмся, пройдя сквозь плен
пустых заветов, никчемных таинств.
По безнадежно гнилым полям
Выходим в утро, восход крепчает.
На этом свете всего прочней
Тот свет, что ждёт нас и получает...

БЕГ

Половина восьмого. Чай.
Отступленья диетных иллюзий.
Это солнце впадёт через час
В горизонтную пыльную лузу.

И закат, закусив удила,
Вдруг рванётся на запад, сгорая,
Чтоб уткнуться в чужие тела
В эмигрантском бешитроном рае.

Южный вечер, стремительно глух,
Гладит волны, взывая к покою.
В небе спутник, хитро подмигнув,
Притворился непавшей звездой.

Ошалев от идей и реклам,
День сбежал удивительно браво.
Бродит лошадь, стреножено зла,
По сухим раздышавшимся травмам.

Завершается суточный бег,
Слышен стрелок отчётливый скрежет.
Спутник, Лошадь, Земля, Человек...
Всё в пределах Вселенских манежей.

МОРСКОЕ СКАЗОЧНОЕ

У Ассолы мечты – бестолковые,
Им веков не счесть как сказаниям,
Все заветы от Старого к Новому –
Беспросветное ожидание.

Это чудо, что сердце не вымерзло,
Что не пропито, не раскурено.
Оглянись: в горизонтовом выползне
Нет ни паруса, ни посудыны.

И звучат голоса язвительной,
Мол, мечту и жизнь перепутала.
Всех Ассолой нынче повывезли,
Ты одна на причале, глупая!

Сколько скал изъедено временем,
Бьются годы, прибором лижутся.
И мужчины всё злей и преданней,
И от этого хуже пишется.

* * *

Ты знаешь: этот день ещё растёт
И прост цветок, и медлены стрекозы,
И клевер пахнет трепетнее розы.
Июньский полдень. Деревенский мёд.
Там мокнет пупс в пластмассовом тазу
И дрыхнет кот, пока устали дети...
Глоток воспоминания о лете,
И, кажется, пробило на слезу.
А может, хвоя дышит под ногой,
И чувствует смолу ступня босая?

И божьими коровками сползают
Года с ладони лёгкой чередой...

Но ударит ветер восточный,
Хрустнет ткань заката, оплавясь,
И увидишь, я знаю точно,
Свой заветный, свой алый парус.

Пусть зайдётся от безнадёжности
Тот, кто рядом пристраивал тапочки.
На мечте не ставят срок годности.
Просто он не Грей, просто – лавочник!

ОБЕЩАНИЕ

Севастополь зиме не сдаётся:
На день снега и на три – дождя.
И строптивая чайка смеётся,
Прямо с лески улов уводя.

Над бульваром топорщится море.
Не замерзнуть ему, не остыть.
Мы с тобой повстречаемся вскоре:
Так и будет: не может не быть!

Там, в горах, просигналил подснежник –
Неизбывный весенний маяк:
Всё заснеженное станет нежным,
Даже самый суровый моряк.

